

Инструментализация антисемитизма в контексте российско-украинского конфликта¹

Вячеслав Андреевич Лихачев

Независимый исследователь

Прага, Чешская Республика

ORCID 0000-0002-9481-6603

Šafaříkova 635/24 120 00, Praha 2, Czech Republic

Tel.: +420 720 197 955

E-mail: vyacheslav.likhachev@clovekvtsni.cz

DOI: 10.31168/2658-3380.2020.20.4.4

Аннотация: Статья посвящена анализу инструментального использования темы антисемитизма в официальном дискурсе и информационно-пропагандистских кампаниях, сопровождавших обострение российско-украинских отношений и начало вооруженного конфликта весной 2014 г. Анализ свидетельствует о чрезвычайно важном месте, которое занимала гиперболизированная проблема антисемитизма в обосновании активного российского вмешательства в политические процессы в Украине. Эта проблематика рассматривается в историческом контексте: в статье прослеживаются истоки информационных кампаний, инструментализующих антисемитизм в контексте российско-украинских отношений в предшествовавшие годы. Автор указывает на постепенный рост значения этой темы, а также анализирует причины, по которым она приобрела столь важное значение в ходе российско-украинского конфликта. Кроме того автор обращает внимание на опасность инструментализации темы антисемитизма в пропагандистской риторике и социально-событийной инженерии, поскольку это может привести к реальному усилению антисемитизма.

---

¹ Статья основана на докладе, прочитанном на Первой международной московской конференции «Защитим будущее» 2 ноября 2016 г.

Ключевые слова: *антисемитизм, инструментализация, пропаганда, дезинформация*

Как единодушно отмечают исследователи, авторы разнообразных мониторинговых докладов и представители еврейских общин, проявления антисемитизма на постсоветском пространстве не носят масштабного и действительно угрожающего характера. Конечно, каждое публичное высказывание, содержащее оскорбительную риторику, каждый акт вандализма или тем более физическое нападение на евреев сами по себе являются проблемой и категорически недопустимы. Но если объективно сравнивать положение еврейской общины в России или Украине с ситуацией во Франции или даже Германии, в глаза бросается значительная разница. Более того, как известно, в Западной Европе (и шире – в Западном мире) уровень антисемитизма, если измерять его в количестве совершаемых на почве этой формы ксенофобии преступлений, после десятилетий, как кажется сегодня, почти идеального спокойствия, с 2000 г. начал стремительно расти. Периоды относительного спада перемежаются резкими всплесками всякий раз, когда происходит обострение арабо-израильского конфликта, точнее – силового противостояния Государства Израиль с враждебными террористическими группировками. На постсоветском пространстве – напротив, здесь фиксируется обратная динамика. Ближневосточная ситуация никак не сказывается на количестве обусловленных идеологией преступлений в отношении евреев, а общая долгосрочная тенденция устойчивого спада уровня антисемитизма остается неизменной.

В этом контексте можно было бы предположить, что тема антисемитизма и, шире, «еврейский вопрос» должны занимать исчезающе малое место в публичной политике, однако происходящие здесь процессы значительно сложнее. Ранее я уже предпринимал попытки описания явления инструментализации антисемитизма. Речь идет об использовании темы антисемитизма в отрыве от реальных проблем в политических целях, в первую очередь – для дискредитации оппонен-

тов. Этот вопрос, на мой взгляд, недостаточно изученный на постсоветском пространстве, крайне важен для понимания процессов на территории, где политтехнологии стремятся полностью вытеснить живую конкурентную политическую борьбу, а власть демонстрирует интенцию к полному подчинению своим интересам информационного пространства. Как показала, например, история с информационным обеспечением организации избрания преемника Бориса Ельцина в России в 1999–2000 гг., речь идет о чем-то более серьезном, нежели эффективные, пусть и циничные, пиар-кампании в западном смысле. Традиционная машина прямой пропаганды тоталитарных режимов, основанная на безальтернативности предлагаемого взгляда на мир, в условиях информационного общества превратилась в более сложную и в чем-то даже более эффективную систему социально-событийной инженерии, позволяющую в приемлемой для населения форме обосновать проводимую политику при сохранении внешней видимости демократических процедур. В наиболее успешных случаях подобный «апгрейд» государственной пропаганды позволяет даже сделать (или, по крайней мере, попытаться сделать) весьма противоречивую политику приемлемой в «большом» мире. Некоторые информационно-пропагандистские кампании проводятся специально для международного сообщества или ведутся параллельно в двух жанрах и разными способами – для «внутреннего» потребителя и в расчете на «внешнюю аудиторию».

Похожие явления имели место и в советские времена, однако с тех пор инженеры человеческого сознания заметно прогрессируют, лучше приспособившись к правилам игры в «большом» мире. Если для обоснования аннексии стран Балтии в 1940 г. достаточно было после оккупации привести к власти на инсценированных выборах единственный допущенный до них коммунистический блок, то сегодня в схожих ситуациях необходимо не просто инсценировать пропагандистский спектакль, имитирующий поддержку местного населения, назвав его «референдумом», но и пригласить годами возвращаемых агентов влияния, которые в качестве никем не признанных «наблюдателей» должны легитимировать про-

исходящее, обеспечить их каналами распространения своей версии происходящего в информационном пространстве.

Какую роль в масштабах решаемых задач может играть в информационно-пропагандистских кампаниях столь маргинальная в реальности, данной в ощущениях, тема, как антисемитизм? Как показала практика – довольно значительную. Полагаю, это можно рассмотреть на реальных примерах, заодно отчетливо демонстрирующих, во-первых, как оттачивалось мастерство манипуляторов, и, во-вторых, – как постепенно увеличивался масштаб политтехнологических операций.

В качестве предыстории можно упомянуть, что тема антисемитизма была использована в Украине в пропагандистских кампаниях по дискредитации оппозиции накануне Оранжевой революции. Этот пример интересен также тем, что именно тогда формировалось зерно наиболее выигрышной, как могло показаться, формы представления и россиянам, и международному сообществу образа украинской политической силы, воспринимавшейся как враждебная Кремлю и антироссийская. Из перспективы 2014 г. борьба против «нашизма» (от названия блока Виктора Ющенко «Наша Украина») и «оранжевой чумы» в эфире проправительственных телеканалов десятилетней давности выглядела просто как преамбула «антифашистской» пропаганды, направленной против участников Революции достоинства. В свою очередь, разумеется, сама идея не была придумана в администрации президента Леонида Кучмы. Она базируется на прочном фундаменте, созданном десятилетиями еще советской пропаганды.

Инструментализация антисемитизма занимала важное, если не центральное место в этой пропагандистской кампании. Этот случай был мной подробно описан ранее [Лихачев 2004; 2005]. Напомню в качестве примера, что именно антисемитские материалы (опубликованные за деньги на правах рекламы в результате различных уловок) стали поводом для закрытия самой популярной оппозиционной газеты (и вообще самого многотиражного общественно-политического ежедневного издания в стране) «Сельские вести».

В следующий раз пропагандистские усилия по использованию темы антисемитизма в Украине снова активизировались начиная с 2007 г. – для дискредитации того же Виктора Ющенко и олицетворяемого им украинского национализма [Дихачев 2010]. На этот раз речь шла не о дискредитации популярного оппозиционного политика: теперь эксплуатирующие «еврейский вопрос» информационные кампании использовались для критики государственной политики, и в силу этого их характер уже балансировал на грани антиукраинской направленности в целом, а то и пересекал ее.

После победы Виктора Януковича на выборах 2010 г. происходила последовательная и, как представляется, со стороны власти сознательная радикализация в значительной степени искусственного общественного противостояния по вопросам культуры, языка и идентичности. Политтехнологи, работавшие на Виктора Януковича, сознательно формировали стратегию, в рамках которой вся оппозиция описывалась как экстремистская и национал-радикальная, а власть, соответственно, мобиливала своих сторонников под «антифашистскими» лозунгами. Был запущен процесс «инструментализации фашизма», сыгравший важную роль в дальнейшем развитии событий во время Революции достоинства и сразу после ее победы.

Собственно, именно эта стратегия привела к ситуации зимы – весны 2014 г., когда так называемая георгиевская ленточка (распространившаяся с 2005 г. в России и на всем постсоветском пространстве в качестве визуального символа возрожденного советского идеологического конструкта «Великой Победы») стала отличительным знаком сначала противников Майдана, потом – участников пророссийского и сепаратистского движения. Первый этап пропагандистской кампании был реализован весной 2013 г. В нем в силу ряда причин (например, для дискредитации украинской демократической оппозиции в глазах международного сообщества) важную роль играли провокации, призванные продемонстрировать антисемитский характер идеологии и деятельности партии «Свобода» (и, таким образом, всей политической оппозиции, находившейся с этой партией в тесных союзнических отношениях, в том числе закрепленных в ряде

совместных документов и формальных коалиций, начиная с Комитета сопротивления диктатуре).

Так, в ночь на 19 марта 2013 г. несколько объектов, имеющих символическое значение для киевской еврейской общины, были обклеены листовками антисемитского содержания с символикой и координатами политической партии Всеукраинское объединение «Свобода». Листовки были размещены на памятнике писателю Шолом-Алейхему, на доме, где родилась Голда Меир, возле ресторана «Цимес», синагоги и на других зданиях. Текст листовки представлял собой цитаты из поэтических произведений Тараса Шевченко, которые могут быть интерпретированы как антисемитские. Пресс-служба ВО «Свобода» заявила, что партия не имеет отношения к этим листовкам, и что описанный инцидент представляет собой провокацию со стороны властей.

Юдофобия действительно занимала определенное место в идеологии и пропаганде «Свободы» [Лихачев 2013]. Однако совокупность имеющейся информации позволяет с определенной уверенностью утверждать, что в данном случае, равно как и в некоторых других (например, с содержащими угрозы письмами в адрес политиков и общественных деятелей еврейского происхождения от имени «Свободы»), действительно имела место провокационная кампания с целью дискредитации партии. То же можно сказать про вызвавший серьезное беспокойство в обществе инцидент в Черкассах, где 6 апреля 2013 г. группа молодых людей в футболках с надписью «ВО «Свобода»» на спине и «Бей жидов!» на груди, не имеющих на самом деле никакого отношения к партии, устроила драку на оппозиционном митинге. 8 апреля на пресс-конференции в Черкассах организаторы мероприятия обнародовали убедительные доказательства (включая фото- и видеосвидетельства) того, что в нападении принимали участие бойцы близкого к губернатору спортивного клуба восточных единоборств, переодетые в футболки с соответствующими надписями в агитационной палатке проправительственной Партии регионов.

Апогеем кампании по инструментализации фашизма накануне Революции достоинства стал «антифашистский» ми-

тинг 18 мая 2013 г., в ходе которого нанятые властью спортсмены из провинциальных клубов боевых искусств напали на акцию оппозиции (именно тогда украинский политический лексикон обогатился термином «титушки»).

Второй этап PR-кампании стартовал уже во время революции, одновременно (день в день) с принятием пакета репрессивного «антиэкстремистского» и «антифашистского» законов 16 января 2014 г. [Лихачев 2014]. Так называемые законы о диктатуре, как их сразу назвали в Украине, создавали законодательную базу для силового разгона Майдана. Для легитимации жестких мер в публичном пространстве, в частности, на международной арене, власти было необходимо представить протестующих фашистами и антисемитами. У меня нет прямых доказательств, но я считаю совершенные в эти дни нападения на религиозных евреев в Киеве brutальной провокацией, которая была частью этой кампании.

Однако никогда ранее использование антисемитизма для обоснования крайне противоречивых шагов (в данном случае – в государственной политике на международном уровне) не достигало такого масштаба, как в начале российско-украинского конфликта весной 2014 г.

Начну с самого яркого примера – речи президента Российской Федерации 18 марта в Федеральном собрании по поводу присоединения Россией полуострова Крым. Мероприятие было торжественно обставлено. Каждая его деталь должна была подчеркнуть, во-первых, легитимность российских территориальных претензий к соседу, а во-вторых – необратимость произошедшей аннексии. Владимир Путин следующим образом интерпретировал произошедшее в Киеве в историческом обращении к Федеральному собранию по поводу аннексии Крыма: «Главными исполнителями переворота стали националисты, неонацисты, русофобы и антисемиты. Именно они во многом определяют и сегодня еще, до сих пор, жизнь на Украине» [Путин 2014].

Следует подчеркнуть, что обвинение новых украинских властей в антисемитизме было не просто одним из многих аргументов в пользу необходимости присоединения Крыма, но одним из буквально двух-трех самых важных, наряду с

«крайним национализмом» и «русофобией». Так, в интервью Владимира Путина в пропагандистском фильме «Крым. Путь на Родину» утверждалось, что решение о начале операции по захвату Крыма было принято в ночь на 23 февраля под впечатлением от «вспышки крайнего национализма» [Путин 2015].

Другой, почти столь же сильный пример – это заявление российского Министерства иностранных дел от 13 апреля 2014 г. [МИД 2014]. Напомню, что накануне, 12 апреля, группы вооруженных людей, россиян (что на тот момент было уже очевидно), организовано, в один день, захватили Славянск и Краматорск. В заявлении это было названо «осложнением ситуации в юго-восточных районах Украины». Констатируя, что «развитие обстановки на юго-востоке приобретает крайне опасный характер», МИД России в первой же фразе утверждает следующее: «...самопровозглашенные в результате переворота киевские власти взяли курс на силовое подавление народных протестов, ставших реакцией на полное игнорирование законных интересов жителей юго-восточных регионов, прямые угрозы и насилие в отношении всех, кто не согласен с засильем национал-радикалов, шовинистическими, русофобскими, антисемитскими действиями коалиции, которая воцарилась в Киеве при прямой поддержке США и Евросоюза» [МИД 2014].

Другими словами, то, что было названо «обострением ситуации на юго-востоке Украины», с точки зрения российского МИДа якобы объясняется реакцией населения на насилие в отношении всех, кто не согласен с антисемитскими действиями новой власти. Если еще упростить эту сложную конструкцию: МИД РФ утверждал, что захват Славянска и Краматорска – это реакция в том числе на антисемитские действия новой киевской власти. Антисемитизм снова выступает одним из трех (вместе с «русофобией» и «национал-радикализмом») самых существенных оснований для решительного вмешательства во внутренние дела Украины.

Подобные высказывания и оценки, сделанные на самом высоком официальном уровне, конечно, подкреплялись значительным объемом пропагандистской продукции в СМИ.

В наиболее изящном исполнении в подобных кампаниях использовались реально произошедшие события, а нужный эффект создавался за счет тенденциозной подачи, искажения пропорций и тщательно подобранных комментариев (как, например, в случае с симферопольским раввином, отъезд которого после того, как город был взят под контроль российских военных в феврале 2014 г., был представлен как бегство из Киева из-за захвата власти антисемитами). В ряде случаев, как можно предположить, реальные события были организованы в провокационных целях именно для того, чтобы стать элементом в пропагандистских кампаниях (как это было в случае с погромщиками в футболках с надписью «бей жидов» в Черкассах). Нередко пропагандистские «волны» «разгонялись» просто «из ничего», то есть были основаны на полностью выдуманных «фактах». Таков, например, рассказ газеты «Известия» от 7 октября 2014 г. о десятках евреев, пострадавших от рук боевиков «Правого сектора» в Одессе, со ссылкой на несуществующего представителя еврейской общины.

Для внешнего пользования Россия сформировала целую систему информирования международного сообщества по дипломатическим каналам через посольства, через различные неправительственные организации, влияние которых государство спонсирует и поддерживает в разных точках мира, систему информирования западной аудитории. Например, когда журналист израильской газеты «Джерусалем пост» обратился в российское посольство с просьбой прокомментировать упоминавшуюся выше публикацию в «Известиях», ему порекомендовали в качестве источника информации об антисемитизме в Украине «Белую книгу нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине», переведенную на английский язык и распространявшуюся МИДом, подготовленную на основе проведенного Московским бюро по правам человека на государственные средства «мониторинга». В первые месяцы противостояния в 2014 г. эта пропагандистская кампания в значительной степени базировалась именно на обвинении новой киевской власти в антисемитизме.

Характерно, что одновременно, как в России, так и в Украине, в кругах, негативно отнесшихся к новой власти, формировался другой пропагандистский стереотип – о том, что в результате победы Майдана власть в стране взяли евреи [Чарный 2015; Шнирельман 2016]. К этой идее для дискредитации властей прибегали в основном группы, ориентирующиеся на идеологию русского национализма (что характерно – как этнического, так и надэтнического/имперского), но в первые месяцы после победы революции она время от времени эксплуатировалась даже на федеральном российском телевидении. Например, в серии передач «Профессия – репортер», выходящих на канале НТВ в наиболее рейтинговое время (в субботу вечером), в крайне негативном контексте упоминалось мнимое еврейство Арсения Яценюка (эфир состоялся 22 марта 2014 г.) и Юлии Тимошенко (эфир от 29 марта 2014 г.). В конечном итоге на какое-то время этот в собственном смысле антисемитский тезис о еврейском происхождении руководства Украины стал частью квазигосударственной идеологии самопровозглашенных на территории части Донецкой и Луганской областей республик. Впрочем, предметом данной статьи является инструментальное использование антисемитизма в политических кампаниях, а не искренний антисемитизм тех или иных политических деятелей.

Думаю, довольно очевидно, что муссирование темы антисемитизма, пусть и с позиции лицемерного возмущения, в подобном контексте может привести не к дальнейшей маргинализации в публичном пространстве, но напротив – к появлению реальных проблем. Для того, чтобы закрыть издание под благовидным предлогом (якобы после публикации в нем антисемитских материалов), нужно, чтобы эти тексты все же были опубликованы. Для того, чтобы дискредитировать оппозиционную коалицию участием в ней политической силы, идеология которой включает элементы антисемитизма, желательно, чтобы она что-то собой представляла и была заметна. Наконец, для того чтобы пугать обывателя и Запад антисемитскими инцидентами, необходимо, чтобы они происходили.

Источники

МИД 2014 – Заявление МИД России в связи с осложнением ситуации в юго-восточных районах Украины. 13.04.2014. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. http://www.mid.ru/web/guest/maps/ua/-/asset_publisher/ktn0ZLTvbbS3/content/id/65894 (дата обращения: 26.01.2021).

Путин 2014 – Обращение Президента Российской Федерации // Российская газета. 2014. 18 марта. № 62 (№ 6334).

Путин 2015 – Крым: путь на родину. 2015. http://russia.tv/brand/show/brand_id/59195. (дата обращения: 25.01.2021)

Литература

Лихачев 2004 – *Лихачев В.* Межнациональные отношения в Украине в контексте выборов: политтехнологии и провокации // Выборы президента України в контексті міжнаціональних і міжконфесійних відносин. Матеріали моніторингу. Випуск перший. Київ: Конгрес національних громад України, Центр соціально-економічних досліджень «Діаматик», 2004, С. 4–32.

Лихачев 2005 – *Лихачев В.* Антисемитизм как политтехнология (на примере президентских выборов в Украине) // Тирош. Труды по иудаике. М.: Центр «Сэфер», Институт славяноведения и балканистики РАН, 2005. Вып. VII. С. 220–235.

Лихачев 2010 – *Лихачев В.* Антисемитизм как PR-стратегия-II // Хадашот. Май 2010. № 9(158). Ч. 1.; Хадашот. Июнь 2010. № 10(159). Ч. 2.

Лихачев 2013 – *Лихачев В.* Место антисемитизма в идеологии и пропаганде ВО «Свобода» // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 1. С. 111–135. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss19/05Likhachev.pdf> (дата обращения: 25.01.2021).

Лихачев 2014 – *Лихачев В.* Экстремизм, ксенофобия и политтехнологии: как это делается в Украине // Хадашот. Февраль 2014. № 2 (201).

Чарный 2015 – *Чарный С.* «Еврейский вопрос» и «украинский кризис» 2014–2015 гг.: проявления антисемитизма и политтехнологические обвинения в антисемитизме // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2015. № 2 (12). С. 27–34. <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss24/03Semen%20Charnyj.pdf> (дата обращения: 25.01.2021).

Шнирельман 2016 – Шнирельман В. «Майдан» как «Хазарский заговор» // Хазарский альманах. 2016. Т. 14. С. 285–321. <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/171776/16-Shnirelman.pdf> (дата обращения: 25.01.2021).

Instrumentalization of Antisemitism in the Context of the Russian-Ukrainian Conflict

Vyacheslav Likhachev

Independent researcher
Prague, Czech Republic

Independent researcher
ORCID 0000-0002-9481-6603
Šafaříkova 635/24 120 00, Praha 2, Czech Republic
Tel.: +420 720 197 955
E-mail: vyacheslav.likhachev@clovekvtsni.cz

DOI: 10.31168/2658-3380.2020.20.4.4

Abstract: The article analyses how the topic of Antisemitism was exploited by the Russian official discourse and propaganda campaigns that accompanied the aggravation of the Russian-Ukrainian relations and the beginning of the armed conflict in the spring of 2014 to justify the intervention into the political processes in Ukraine. Diachronic examination of the topic of Antisemitism in the bilateral relationships testifies to its increasing importance over the years and its particular prominence during the current crisis.

Keywords: *Anti-Semitism; instrumentalization; propaganda; disinformation*

References

Charnii, S., 2015, “Evreiskii vopros” i “ukrainskii krizis” 2014–2015 gg.: proiavlennia antisemitizma i polit-tekhnologicheskie obvineniia v antisemitizme [The “Jewish Question” and the “Ukrainian Crisis” of 2014–2015: Manifestations of Antisemitism and Political and Technological Accusations of Antisemitism]. *Forum noveishei vostochnoevropeiskoi istorii i kul'tury* [Forum for Recent East European’s History

and Culture], 2(12), 27–34. <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss24/03SemenCharnyj.pdf>. (In Russian).

Likhachev, V., 2004, *Mezhnatsional'nye otosheniia v Ukraine v kontekste vyborov: polittekhologii i provokatsii* [Interethnic Relations in Ukraine in the Context of Elections: Political Technologies and Provocations]. *Vibori prezidenta Ukraini v kontesti mizhnatsional'nikh i mizhkonfesiinikh vidnosin. Materiali monitoringu. Vip. 1.* [Presidential Elections in Ukraine in the Context of Interethnic and Inter-confessional Relations], Kyiv: *Kongres natsional'nikh gromad Ukraini, Center sotsial'no-ekonomichnikh doslidzhen' "Diamatik"*, 4–32. (In Russian).

Likhachev, V., 2005, *Antisemitizm kak polittekhologiiia (na primere prezidentskikh vyborov v Ukraine)* [Anti-Semitism as Political Technology (the Case of the Presidential Elections in Ukraine)]. Tirosh. *Trudy po iudaike* [Tirosh. Studies in Judaica], 7, 220–235, Moscow: *Center "Sefer", Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN*, VII. (In Russian).

Likhachev, V., 2010, *Antisemitizm kak PR-strategiia-II* [Antisemitism as a PR-strategy]. *Khadashot*, 9(158), 10(159). (In Russian).

Likhachev, V., 2013, *Mesto antisemitizma v ideologii i propagande VO "Svoboda"* [The Place of Antisemitism in Ideology and Propaganda VO "Svoboda"]. *Forum noveishei vostochnoevropeiskoi istorii i kul'tury* [Forum for Recent East European's History and Culture], 1, 111–135. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss19/05Likhachev.pdf>. (In Russian).

Likhachev, V., 2014, *Ekstremizm, ksenofobiia i polittekhologii: kak eto delaetsia v Ukraine* [An Extremism, Xenophobia and Political Technologies: How It Works in Ukraine]. *Khadashot*, 2(201). (In Russian).

Shnirel'man, V., 2016, *Maidan kak Khazariskii zagovor* [Maidan as a Khazar Conspiracy]. *Khazariskii al'manakh*, 14, 285–321. <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/171776/16-Shnirelman.pdf>. (In Russian).